

ЛОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ: ПОИСКИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ПРАВА

А. Б. ЛЕПЕШКО*

Лепешко Александр Борисович,
Брестский государственный
университет им. А. С. Пушкина

В статье рассматриваются методологические основания права на базе логического и психологического материала, разработывавшегося Л. И. Петражицким. Обосновывается мысль о важности единства логического (как сугубо рационального) и психологического (имеющего основания в сфере человеческой психики и потому творческого, свободного, с широкими эпистемологическими границами) аспектов познавательного процесса. Анализируется попытка выйти за пределы исключительно монистических предпосылок развития права, понимания его сущности, и в этом аспекте идеи Л. И. Петражицкого могут быть рассмотрены в интегративном ключе, как поиск, казалось бы, несоединимых теоретических сущностей. Высказываемые ученым мысли, которые в свое время не находили широкой поддержки (например, положение о правах животных, неодушевленных предметов), имеет смысл рассматривать не только

узкопрофессионально, но и в более широком контексте. Это значит, что могут быть востребованы и гуманистические положения теории основателя психологической школы, и апелляция к человеку как сути и смыслу всей юридической антропологии. Демонстрируется преемственность ряда идей, высказанных Л. И. Петражицким, их развитие представителями петербургской школы права в конце XX и XXI вв. Анализируются апелляции Л. И. Петражицкого к логическому контексту. С одной стороны, мы говорим об интуиции как методе познания, с другой — о ясности формально-логической школы. Логико-психологическая методология Л. И. Петражицкого стала отражением этой двойственной ситуации — системной, последовательной, но формирующейся на стыке рациональных подходов и тех оснований знания, которые были связаны с развитием иных наук, на первый взгляд, отстоящих достаточно далеко от права. Как показала практика развития мировой юриспруденции, это как минимум очень интересное и многообещающее направление.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: методология права, логика, психология, теория познания, коммуникативный подход, феноменологическая теория, философия права.

* Alexander B. Lepeshko — Brest State University named after A. S. Pushkin.

E-mail: a.b.lepeshko@gmail.com

© Лепешко А. Б., 2017

УДК 340.12

LEPESHKO A. B. LOGIC AND PSYCHOLOGY: SEARCHING FOR METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF LAW

The article discusses the methodological foundations of law based on the logical and psychological material developed by L. I. Petrażycki. The author substantiates the idea of importance of unity of the logical (being purely rational) and psychological (based on human psychics and thus being creative, free and having broad epistemological boundaries) aspects of a cognitive process. The author analyses an attempt to go beyond the purely monistic prerequisites for the development of law and understanding of its essence. In this context Petrażycki's ideas can be considered integrative as a search for seemingly incomparable theoretical entities. Some ideas expressed by the scientist were not widely supported (such as the provision on rights of animal or inanimate objects). The ideas should be considered not only narrowly, but also in a broader context. This means that the humanistic theories of the psychological school and an appeal to a person as the essence and sense of all legal anthropology could still be relevant. The author demonstrates the continuity of some ideas of Petrażycki, their development by representatives of Petersburg School in the 20th and 21st centuries. The article analyses Petrażycki's appeal to the logical context. On the one hand, we are dealing with intuition as a method of cognition, on the other hand with the clarity of a formal logical school. Logical and psychological methodology of Petrażycki has become a reflection of this dual problem — a systematic and consistent one, however being formed at the interface of rational approaches and those foundations of knowledge which were connected with the development of other sciences, quite distant from law, at first glance. As shown by the practice of world jurisprudence development, this is a very interesting and promising direction at the very least.

KEYWORDS: legal methodology, logic, psychology, epistemology, communicative approach, phenomenological theory, philosophy of law.

Логика и психология выступают понятиями, которые могут быть исследованы как базовые в ходе поиска методологических оснований права по нескольким причинам, среди которых имеет смысл выделить причины исторические и причины интеллектуальные. Исторические — поскольку именно во время расцвета деятельности Л. И. Петражицкого влияние психологии (в частности, немецкой психологической школы) было чрезвычайно велико. Например, Вильгельм Вундт — один из наиболее заметных ученых в области психологической науки того времени — находился и в центре внимания петербургского ученого. «Психическая причинность», по Вундту, — это та сила, которая определяет поведение людей, позволяя обратиться и к праву в рамках изучения «психологии народов». Современные исследователи (Л. И. Спиридонов, И. Л. Честнов) справедливо обращают внимание на духовную атмосферу конца XIX — начала XX в., когда юридические формы жизни уступали приоритет таким категориям, как совесть, справедливость, в целом этическим конструкциям¹. Л. И. Петражицкий не просто разделял духовные чаяния общества, но и пытался реабилитировать право, поднять его на ту высоту, которую данный феномен исторически никогда не занимал в общественной жизни страны. Л. И. Спиридонов и И. Л. Честнов отмечают и иной важный аспект творчества Л. И. Петражиц-

---

¹ Спиридонов Л. И., Честнов И. Л. Л. И. Петражицкий: жизнь и научное наследие. СПб., 2000. С. 8.

кого: он видел в праве высшую социальную ценность, поставив ее и выше нравственности, и выше принципа монархии. Но говорить лишь о духовной атмосфере было бы неверным. Дело в том, что Л. И. Петражицкий двигался в русле поиска, который позже назовут «человекообразным». Для него было важным не только ограничить диктат государства в правотворчестве и правоотношениях (в частности), но и придать новую силу и значение человеку юридическому, показать, каким образом психикой человека формулируется одна правовая норма и почему не конституируется иная. Важен и аксиологический аспект, поскольку сами нормы права не имеют никакого смысла, если они не определяют взаимообусловленное поведение субъектов, не влекут за собой возникновение правовых отношений. В этом смысле Л. И. Петражицкого критикуют за преувеличение роли психологии в правовом процессе, однако, с нашей точки зрения, важнее сосредоточиться на том позитивном, что дают идеи мыслителя современному ученому, юристу-практику, на что они обращают внимание и какие акценты считают приоритетными.

Обратим внимание на интеллектуальные предпосылки формирования методологических оснований права, среди которых на первое место поставим логику, логический инструментарий. Тем самым формулируется пиетет перед рациональным знанием как знанием ясным, истинным, непротиворечивым — словом, научным (если исходить из соответствующих критериев научности). Наступало время постмодернистских исканий, набирали теоретический вес и авторитет феноменологические теории, активно развивались отрасли знания междисциплинарного характера, которым в ближайшем будущем предстояло выйти на гносеологическую (в частности) авансцену. Кроме того, оперирование такими эпистемологическими средствами, как интуитивизм, интуитивная методология, требовало (возможно, стихийно) неких традиционных познавательных якорей, стабильных и классических форм признания результатов научного поиска и средств самого этого поиска. Логика в данном контексте выступала именно таким средством. В частности, аристотелевская силлогистика выступала как средство преодоления существующих «методологических пороков».

Обратимся к одному из спорных утверждений Л. И. Петражицкого. Так, методологическим пороком в контексте приведенных рассуждений ученого называется отказ «причислить животных к числу нравственных и правовых обязанностей». Предполагается, что «животные в известных областях человеческой правовой психики должны фигурировать и в качестве субъектов права»². Например, представим ситуацию, когда животное спасло жизнь человеку. В обычной практике любой субъект, спасший жизнь другому субъекту, может рассчитывать на чувство признательности, на иные «правовые сочетания» (связанные с реализацией, например, чувства благодарности). Л. И. Петражицкий замечает, что «с точки зрения современной науки о праве, права животных, причисление животных к разряду субъектов прав и т. д. представляет, конечно, совершенно недопустимую научную

² *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 106.

ересь, странное и нелепое заблуждение»³. Но это далеко не так. Прежде чем мы перейдем собственно к логической аргументации и соответствующему инструментарию, следует упомянуть очень важное соображение гуманистического (этического) характера. Л. И. Петражицкий, полемизируя с теми, кто отрицает субъектность права и нравственности по отношению к животным, замечает, что человек вовсе не эгоистическое существо, «эксплуататорски» относящееся ко всей остальной природе, — человеку присущ более широкий взгляд на вещи, процессы, которые прямо отражаются, например, в мифах, сказках. Он не создан как потребитель по отношению ко всем остальным живым (и не только живым) существам и предметам на земле. Исторический процесс, культурное развитие общества показывают, что отношение к тем, кто подвергался насилию и был вообще лишен каких бы то ни было прав (рабы, инородцы, иноплеменники, не говоря уже о животных), существенно менялось, как менялось и содержание психики, и культурной, и собственно правовой. Для доказательства этого тезиса приводятся следующие логические аргументы.

Первый из них — это классическая дедукция, рассматриваемая в русле аристотелевских канонов. Основание для дедукции такого порядка ученый видит в «законе ассоциации людей по сходству». Дело в том, что человек приписывает различным явлениям природы различные духовные силы и свойства, поскольку здесь заметна связь между собственно человеческими и «не человеческими» процессами, действиями. Особенно эта связь видна в детском возрасте, а также у народов, стоящих на более низких ступенях интеллектуального развития. Известный пример: персидский царь Ксеркс приказал высечь море за неповиновение (буря, шторм). Дедукция в этом и иных примерах носит следующий характер: «Все люди, животные, неодушевленные предметы имеют нравственные и правовые обязанности // Икс — животное // Икс имеет нравственные и правовые обязанности». Конечно, может возникнуть вопрос о соблюдении закона достаточного основания применительно к первой общей посылке, что, собственно, и есть предмет дискуссии, как во времена Льва Ивановича, так и по сей день. Но здесь уже вступает в силу иная система аргументации, связанная с обоснованием этого ключевого положения. Точно так же здесь можно прибегнуть к условно-категорическому силлогизму: «Если весь живой и неодушевленный мир имеет нравственные и правовые обязанности и Икс принадлежит к живому миру, то, следовательно, Икс имеет таковые обязанности». Опять же, умозаключение будет истинным, если нет сомнений в истинности первой посылки. К слову, несложно интерпретировать это умозаключение в форме аналогии (как свойств, так и отношений). Но к аналогии мы вернемся ниже.

Второе соображение связано с процедурой, которую современные учебники логики трактуют как «определение понятий» и «преобразование суждений». Отметим лишь некоторые аспекты этого процесса с точки зрения психологической школы права. Ставится традиционная задача: поскольку законодательные и иные нормативные акты суть следствия прежде

---

³ Там же. С. 108.

всего психических процессов, то основная проблема связана с «фиксацией объема» интеллектуальных (логических, формальных) элементов права. Разве что Л. И. Петражицкий добавляет здесь «казуистический фактор», понимая под ним творчество юристов, решающих нетипичные задачи. Однако новизна подхода связана с формулировкой следующего положения: «Путем толкования в собственном смысле, т. е. восстановления содержания мысли, выразившейся в нормативном акте, фиксации объема, и казуистической обработки (и возможно более неизбежного и авторитетного научного обоснования правильности соответствующих продуктов мысли) юриспруденция предупреждает и устраняет почву для произвольных толкований смысла законодательных изречений в пользу той или другой стороны, для растяжений и сужений объема интеллектуальных элементов, смотря по выгодам и интересам и т. д.»⁴. Это очень важная мысль, на которой имеет смысл остановиться подробнее.

Во-первых, речь идет о «восстановлении содержания мысли», а не, скажем, его «творческом развитии», возврате к догматике или чем-то ином. Иными словами, «нормативный факт» зафиксировал как определенный объем мысли, так и его казуистическую обработку. Если же мы пойдем по пути унификации, борьбы против различных «тенденций» в осмыслении того, что содержится в законах, то получим на выходе различные решения, противоречия, путаницу. Иначе говоря, фиксация объема суждения (понятия) и его казуистическая обработка в случае необходимости позволяют нам избегать конфликтов и правового, и социального характера (как следствия правовых противоречий). Для того чтобы решить эту задачу, необходимо предельно точно определить объем рассматриваемого понятия с точки зрения его существенных свойств (и отличительных, несущественных).

Во-вторых, решить обозначенную проблему можно различными способами, но прежде всего путем обращения к логическим средствам. В качестве примера ученый говорит о важности аналогии, которую оценивает чрезвычайно высоко, без апелляции к общеизвестному факту, что «аналогия стопроцентной истинности не дает». Аналогия, как полагает Л. И. Петражицкий, означает стремление во что бы то ни стало найти объективное, не зависимое от разнообразных мнений решение. Прибегая к условно-категорической форме заключения, он пишет так: «Если существующий позитивный шаблон не дает возможности добыть из него объективное решение, все-таки устраняется личная почва для разнообразных личных взглядов, разногласий и произвольных решений — путем нахождения объективного масштаба в виде позитивных положений, существующих для наиболее сходных случаев»⁵. При чтении этих слов возникает чувство, что Лев Иосифович, прекрасно понимая все недостатки аналогии как метода исследования, специально акцентировал на нем внимание, без оговорок и двусмысленных сносок. Вероятная причина в том, что аналогия — прекрасное поле для творчества, поскольку это не только способ умствования,

⁴ Там же. С. 191.

⁵ Там же. С. 193.

связанный со строгими процедурами, но и метод познания, в том числе и правовых явлений. К слову, З. Фрейд в одной из работ по детской психике прибег к аналогии между психикой ребенка и историей древнего Рима. Казалось бы, какая здесь связь? Суть же в том, что разрушенный древний Рим присутствует в новом Риме — в форме культурного слоя, различных реликтов прошлого и т. д. Но точно так же ребенок помнит то, что вроде бы напрочь стерто у него из памяти в первые годы жизни. Рима Нерона, конечно, нет, но он все же есть. Детская психика не помнит того, что было с ним (ней) в период годовалого, двухлетнего развития, но все это имплицитно содержится в психике человека. «Умственные манипуляции» нельзя отторгнуть от манипуляций психического характера, они несут на себе (содержат в себе) весь комплекс чувств и знаний конкретного человека, именно поэтому обращение к аналогии ставится исследователем на одно из первых мест в практике познания.

Аналогия рассматривается ученым как высшая форма знания, применяемая в том случае, когда привычный дедуктивный и индуктивный ряд рассуждений не приносит нужного результата. Причем понятие «аналогия» вовсе не тождественно понятию «толкование». Такое отождествление происходит тогда, когда забывается главная сущностная черта аналогии: приращение нового знания; это все же умозаключение, предусматривающее не интерпретацию, а именно получение нового знания. Следует сказать и о противоречии, которое можно обнаружить при обращении к логическим средствам познания в праве и их пониманию в рамках психологической школы (в частности). Условно говоря, это противоречие можно охарактеризовать при помощи понятий «математизация» (или «формализация») и «творчество». Юриспруденция объявляется очень строгой, рационально выверенной наукой, сродни наукам точным. Дословно это звучит так: «Юриспруденция по точной фиксированности своих понятий, по строгой дедуктивной последовательности своих положений похожа на математику»⁶. Однако мышление юристов движется «путем наивно-бессознательного социального приспособления» к специфической природе права и связанной с ней «унификационной тенденцией». Так «математизация» или «наивно-бессознательное стремление»? Обращаясь к пониманию специфики той же аналогии (права, закона), мы можем отметить и такие характерные черты этого метода, как достаточно свободное оперирование категориями «существенный признак», «перенос признака» и т. д. Дело в том, что аналогия, как представляется, всегда имеет определенные различия, что дает новые возможности методологического, интерпретационного характера, но вместе с тем содержит возможность упреков в субъективном подходе и соответствующей трактовке правовых явлений. Выскажем парадоксальную мысль: и та, и другая точки зрения близки творчеству Л. И. Петражицкого, т. е. имеется как желание быть строго рациональным, ответственным (в формально-логическом смысле) за умпостроения дискуссионного порядка, так и желание адаптировать безбрежность проявления психического творчества человека (в данном случае) к праву. К слову, это противо-

⁶ Там же. С. 195.

речие можно заметить и в работах классиков уже современной правовой теории, в частности известного коммуникативного подхода; например, можно отметить заявленный там принцип «ухода» от определений в пользу «описаний», когда акцент на сугубо рационалистическом контексте теории в ряде случаев переносится на совсем иные теоретические предпочтения. Скажем, «отказ от определений» сопровождается добротным словарем терминов в конце учебного пособия, а апелляция к феноменологии в ряде случаев вызывает ассоциацию с балансированием между рациональным и иррациональным подходами в познании⁷.

На наш взгляд, в связи со сказанным требует дополнительной аргументации и понятие «интуитивное». Это сложный вопрос, который, например, А. В. Поляков интерпретирует двояко. С одной стороны, «интуитивное право в виде более сильной психологической мотивации играет решающую роль в определении поведения человека и зачастую определяет возникновение позитивных законов»⁸. С другой стороны, столь широкую трактовку права «трудно защищать на поле психологической теории», замечает ученый, прямо утверждая, что «взгляд на право только как на психическое явление неверен»⁹. Здесь проявляются различные теоретические проблемы; в рамках темы выделим некоторые из них. Например, как быть с соотношением понятий «рациональность» и «интуитивизм»? Не исключают ли они друг друга? Если нет, то каким образом соотнести практику рациональной деятельности (строгость, ясность, непротиворечивость и т. д.) с деятельностью интуитивной, построенной совсем на иных гносеологических основаниях? Где заканчивается одно и начинается другое? Или же речь идет о «параллельных процессах», существующих в одном времени и пространстве? Многое здесь объясняет интегративный подход, феноменолого-коммуникативная школа в целом, становлению и развитию которой А. В. Поляков посвятил ряд содержательных работ; однако в этом случае встает вопрос о преемственности теоретических идей. Дело в том, что заметна связь (содержательная, интеллектуальная, даже стилистическая) работ Л. И. Петражицкого и А. В. Полякова. Более того, можно утверждать, что та петербургская школа философии права, о которой пишут многие исследователи, представлена этими именами достаточно полно. Но нет ли на смысловой линии «рациональное — интуитивное» обрыва преемственной связи? Или же этот «обрыв» как раз свидетельствует о преемственности? Здесь есть предмет для дискуссии. Причем в такой постановке вопроса нет противоречия, поскольку даже теоретические недоговоренности представителей одной методологической школы могут иметь общий вид.

Попутно приведем точку зрения на рассматриваемое явление датского ученого Г. Геффдинга. В труде под характерным названием «Психологическая основа логических суждений», обращаясь к теме интуитивного познания в контексте логики, ученый утверждает, что «аналогия процессов

⁷ *Лепешко А. Б.* Коммуникативный подход к совершенствованию национального законодательства. Брест, 2016. С. 16–19.

⁸ *Поляков А. В.* Петербургская школа философии права // Известия вузов. Правоведение. 2000. № 2. С. 16.

⁹ Там же. С. 17.

образования интуиции и логического рассуждения поразительная... Интуиция и суждение — суть два различных способа сохранения сознательной жизни; надо понять их не только во всей полноте их различия, но также во всей полноте их сходства»¹⁰. Не развивая аргументацию Г.Геффдинга (это требует специального изучения), отметим: датский мыслитель полагает, что логические формы должны иметь психологическую основу, изучение которой вызывает глубокий интерес.

Возможно, ряд обозначенных выше проблем связан с тем, что логика и психология (в данном случае в творчестве Л.И.Петражицкого) поразному трактуют реальное суждение и реальное понятие? Право нельзя отнести к физической реальности, поэтому право есть реальность психическая. А.В.Поляков дополняет эту дихотомию введением третьего вида бытия, не совпадающего ни с материальным, ни с психическим, — «это мир чистого смысла или идей». Очевидно, что здесь видна прямая связь с феноменологическими положениями, поисками эйдоса права и т.д. Нормы права существуют не только психически, но и идеально, что возможно лишь на основе понимания смысла той же правовой нормы, но смысл — вовсе не характерная черта человеческой психики. Далее современный ученый развивает идеи Л.И.Петражицкого, обращаясь к целому комплексу идей онтологического, аксиологического, иного характера, которые, как известно, стали основой феноменолого-коммуникативного подхода.

Л.И.Петражицкий использовал логические средства достаточно широко, причем в контексте именно психологической школы права. Проследим, как он полемизировал, например, со сторонниками «государственных теорий», тех точек зрения, которые сегодня называют этатистскими. Позиция его здесь широко известна: определение права с точки зрения государства (принуждения) глубоко ошибочно. Для нас важно определить, каким образом используется ученым именно логико-психологический инструментарий для обоснования как критики, так и позитивной программы. Первый аргумент можно назвать движением по порочному кругу, когда определение формулируется в кругу одних и тех же признаков, когда отсутствует смысловое развитие (иначе эту ошибку называют определением непонятого через непонятое). В транскрипции Л.И.Петражицкого эта особенность мышления выглядит следующим образом: «Логическая ошибка теорий, исходящих из определения права из понятия государства, состоит в том, что они заключают в себе *definitio per idem*, определяют *x* путем ссылок на *x*»¹¹. Иными словами, если мы имеем дефиницию такого порядка — «юридическая норма есть норма, признанная государством», — то получаем все тот же замкнутый круг в мышлении (ведь и государство установлено «правом органов правового союза», т.е. того же государства).

Актуально звучит и аргумент «к международному праву». Противоречие здесь заключается в том, что «под международными нормами разумеются такие, которые не зависят от признания или непризнания их со

¹⁰ Геффдинг Г. Психологическая основа логических суждений. М., 2013. С. 14.

¹¹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства... С. 216.

стороны отдельного участника международного общения»¹². Но если то или иное государство не признает международное право или его отдельные положения, то соответствующие нормы теряют юридический характер. Актуальность этого тезиса подтверждается современной практикой международных отношений, поскольку «избранное» следование тем или иным нормам международного права или интерпретационное своеволие сегодня становится нормой.

Столь же важными и актуальными выглядят мысли ученого, связанные с «теорией принуждения», поскольку многими юристами принуждение рассматривается как существенный признак права. Обратим внимание на соображение, связанное с многозначностью термина «принуждение». Речь ведь идет о принуждении не только физическом, но и так называемом психическом (например, воздействие страхом и т. д.). Распространенная ошибка здесь связана как раз с тем, что значение термина «принуждение» не дифференцируется, оно рассматривается как принуждение только в физическом смысле. Фактически же речь идет о том, что принуждение может быть самым разнообразным (мы, кстати, можем дополнить виды принуждения современными его способами, от использования интернет-ресурсов до прямого давления на психику с целью реализации меркантильных, военных и иных целей). Л. И. Петражицкий, на наш взгляд, совершенно правильно расширительно трактует термин «принуждение», требует различных систем определений, и речь идет не только об определении права. Здесь формулируется проблема (и сделана попытка ее решения) более широкого свойства, гуманистического характера, связанная с логико-психологической трактовкой сущности права.

Некоторые выводы из нашего краткого анализа проблемы можно свеести к следующим положениям.

Во-первых, перед нами замечательная попытка выйти за пределы исключительно монистических предпосылок развития права, понимания его сущности, и в этом аспекте идеи Л. И. Петражицкого могут быть рассматриваемы в интегративном ключе, как поиск, казалось бы, несоединимых теоретических сущностей. Высказываемые ученым мысли, в свое время не находившие широкой поддержки (например, положение о правах животных, неодушевленных предметов), имеет смысл рассматривать не только узкопрофессионально, но и в более широком контексте. Это значит, что могут быть востребованы и гуманистические положения теории основателя психологической школы, и апелляция к человеку как сути и смыслу всей юридической антропологии. В каком-то смысле идеи Л. И. Петражицкого напоминают идеи выдающегося архитектора Ле Корбюзье: их тоже не принимали, отвергали, чтобы использовать позже. Любые идеи подлинного ученого — это эссенция, которая с трудом воспринимается сразу и сейчас. На наш взгляд, именно такой теоретической эссенцией явились мысли выдающегося юриста.

Во-вторых, обращает на себя внимание постоянная апелляция Л. И. Петражицкого к логическому контексту. Казалось бы, здесь явное

¹² Там же. С. 216.

противоречие: интуиция как метод познания, учет множества факторов, среди которых и бессознательные, — и здесь же призыв к ясности и иным известным требованиям формально-логической школы. Полагаем, что такой подход связан с особенностями того исторического периода, в который творил выдающийся ученый. Формальная логика — та основа, вне которой в последней четверти XIX в. было трудно представить уважающую себя научную теорию, примеры здесь общеизвестны. Вместе с тем крепло и то направление, которое позже станут называть неклассическим и постнеклассическим. Логико-психологическая методология Л. И. Петражицкого стала отражением этой двойственной ситуации. Она была системной, последовательной, но формирующейся на стыке рациональных подходов и оснований знания, связанных с развитием иных наук, на первый взгляд достаточно далеко отстоящих от права. Как показала практика развития мировой юриспруденции, это как минимум очень интересное и многообещающее направление, которое уже сегодня приносит теоретические плоды.

Литература

Геффдинг Г. Психологическая основа логических суждений / пер. с нем. М.: URSS, 2013. 96 с.

Лепешко А. Б. Коммуникативный подход к совершенствованию национального законодательства. Брест: Альтернатива, 2016. 184 с.

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.

Поляков А. В. Петербургская школа философии права // Известия вузов. Правоведение. 2000. № 2. С. 4–23.

Спиридонов Л. И., Честнов И. Л. Л. И. Петражицкий: жизнь и научное наследие // Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. С. 3–18.

References

Høffding H. *Psikhologicheskaja osnova logicheskikh suzhdenii* [The psychological basis of logical judgments]. Moscow, URSS Publ., 2013. 96 p. (In Russian)

Lepeshko A. B. *Kommunikativnyi podkhod k sovershenstvovaniuu natsional' nogo zakonodatel' stva* [Communicative approach to the improving of national legislation]. Brest, Alternativa Publ., 2016. 184 p. (In Russian)

Petrzhitsky L. I. *Teoriia prava i gosudarstva v sviazi s teoriei npravstvennosti* [Theory of law and state in connection with the theory of morality]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2000. 608 p. (In Russian)

Polyakov A. V. Peterburgskaia shkola filosofii prava [Petersburg school of law philosophy]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2000, no. 2, pp. 4–23. (In Russian)

Spiridonov L. I., Chestnov I. L. [L. I. Petrażycki: life and scientific heritage]. Petrazhitsky L. I. *Teoriia prava i gosudarstva v sviazi s teoriei npravstvennosti* [Theory of law and state in connection with the theory of morality]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2000, pp. 3–18. (In Russian)